

режья от Анапы до Абхазии включительно. Наряду с другими показателями, эти сооружения указывают, что древние обитатели очерченной здесь территории связывали между собой неразрывно этногенетической и культурной общностью.

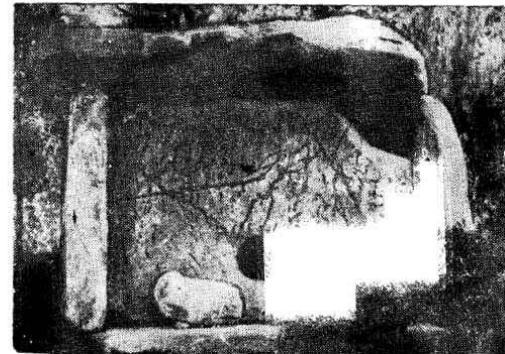
Дольмены («каменные столы») представляют собой своего рода домики, сооруженные из четырех вытесанных известковых камней, поставленных на ребро и перекрытых сверху такой же цельной плитой, наибольшая из которых весит свыше 50 тонн. Отдельные дольмены имеют пол из такой же цельной каменной плиты. Размеры дольменов сильно варьируют (высота не самого крупного из абхазских дольменов, доставленного из Эшеры и выставленного в Сухумском музее, равняется 2,70 м, ширина — 3,30 м, длина — 3,85 м, крыша весит около 12 тонн). Спереди они снабжены круглыми пробоями около 40 см в диаметре, через которые проникали в погребальные камеры; они затыкались большими каменными же пробкой весом более двух пудов. Такое трудоемкое строительство возможно было осуществить лишь на основе совместных усилий общинников, использовавших катки из круглых бревен и систему ступенчатых откосов.

Группами и в одиночку дольмены обнаружены в ряде пунктов Абхазии, преимущественно на горных склонах, а именно: южнее г. Гагра, в сс. Отхара и Ачандара, большая группа (около 15) хорошо сохранившихся дольменов имеется

Дольмены. Древнейшие металлические предметы, учитывая изменение латировки кистрикских синицовых обойм, впервые найдены в Абхазии при раскопках эщерских дольменов. Дольмены — каменные склепы семейно-родовых коллективов, построенные местным населением в основном в конце III — начале II тысячелетия до н. э., то есть в эпоху неолита и ранней бронзы, в период начинающегося развития патриархальной общины.

Дольменная культура характерна для Западного Кавказа. В бассейнах рек Абин, Афипс, Псекупис, Лаба и Белая средоточено несколько сотен «богатырских» или, наоборот, «карликовых домов», как называли дольмены местные жители. Начиная почти от Осетии, эти памятники тянутся, чаще группами, на запад по всему предгорью северо-западного Кавказа, затем на юго-восток вдоль Черноморского побе-

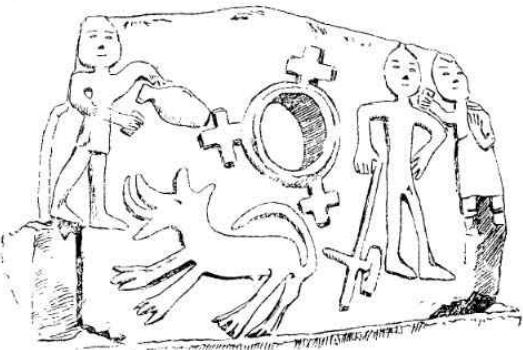
¹ Л. Н. Соловьев. Неолитическое селение близ Очамчири в Абхазии. «Материалы по истории Абхазии», 1. Сухуми, 1939, стр. 29 и др.

Один из крупнейших эщерских дольменов, экспонированный во дворе Абхазского государственного музея в Сухуми.

в селениях Эшера (в местности, которая называлась Пердженхта), Азанта (по-абхазски Азантха)¹, в бассейне р. Амткел, в сс. Псху (несколько небольших групп), Куланурхва, Хабю (Гудаутский район), Чхала (четыре группы), б. Рожденственское близ Цебельды, б. Екатериновка (Гульрипшский район) и, предположительно, в горах Панавского хребта (Очамчирский район)². Абхазские дольмены являются самыми крупными и самыми арханическими на Кавказе.

Эти удивительные, еще до конца не разгаданные, древние памятники расположены везде на склонах гор, обычно малыми, а иногда и большими группами³ и почти все своими от-

Уникальный древний памятник — передняя плита от дольмена из ущелья Кефара (бассейн Б. Зеленчука) с изображением сложной загадочной сцены: крестов, собаки с задраиним хвостом и высунутым языком, трех человеческих фигур, одна из которых разливает из керамического сосуда жидкость, а другая опирается на какое-то орудие, напоминающее «сухокривулину», и др. («Материалы по археологии Кавказа», т. IX, 1904, табл. X, рис. 20).

¹ Заслуживает внимания, что несколько местностей предгорной Абхазии с дольменами или другими древними сооружениями известны у абхазов под одним и тем же названием Азантха — в Цебельде, в верховых рек Белой и Бзыби (А. Н. Дьячков-Тарасов. Экспедиция к озеру Рица... ИКОИРГО, т. XVI, 1903, ч. I, стр. 59).

² Л. Н. Соловьев. Погребение дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. «Труды» Абхазского института, XXXI, Сухуми, 1960, стр. 71—72.

³ Юго-восточнее г. Майкопа, в 9 км. к северо-западу от ст. Новосвободной, на т. и. Богатырской поляне, на площади всего около 50 га рядом расположены 363 дольмена на расстоянии 10—15 м друг от друга (первые описаны Фелициным). В 1964 г. на р. Кизинке (Кизинчи) — притоке р. Ходзь адыгейским археологом П. Ауглевым открыто новое скопление дольменов (ок. 100) и даже мастерская, где вырабатывались плиты для стен дольменов.

верстиями, т. е. фасадами обращены в одну сторону, в Абхазию — к морю, на юго-восток. Иногда они находятся очень близко друг от друга. Например, в Шапсугии (бассейн р. Аше), где встречаются и дольмены-монолиты, некоторые из них расположены на расстоянии двенадцати и даже четырех шагов один от другого. Цирыгонтская группа, состоящая из 7 дольменов, занимает площадь всего лишь около 40 кв. саж.

Старики-шапсуги передавали о почтении дольменов в старину, о принесении к ним жертвенных пищи⁴. Но преданиям чекесов, равно как и осетин, мифические карлики (си-пуны) принудили великанов к возведению этих богатырских хат, которые снабжены отверстиями для того, чтобы си-пуны могли проникнуть внутрь верхом на зайце.

По мнению некоторых (Б. Куфтин, Т. Попова и др.), дольмены берут свое начало с эпохи медно-бронзового века и даже неолита (Б. Куфтин). О. Джапаридзе строительство наиболее арханических эшерских дольменов датирует XXIV—XXII вв., а наиболее поздних — XVIII—XV вв. до н. э.

Дольмены служили для захоронения в продолжение длительного времени — от конца III тысячелетия и, mestами, вплоть до первых веков нашей эры. Поэтому находимые в них вещевые комплексы относятся к различным периодам. В абхазских дольменах мы встречаем изделия из камня (брюски, зернотерки), керамические сосуды и, главным образом, предметы и орудия из бронзы. Среди последних выделяются топоры, пластинчатые наконечники копий, а также серьги, подвески, булавки, пуговицы, бусы и другие украшения. Так, в инвентаре древнейшего слоя эшерских дольменов (рубеж III—II тысячелетий) представлены вислообушенные медные топоры, пластинчатые ножи, наконечники копий и крюки. В погребениях же верхнего слоя находятся предметы, близкие к колхи-косойской культуре.

Таким образом, в эпоху дольменной культуры мы имеем уже господство металла (бронзы), а внутри общин, создавших эту культуру, изрождалась родовая и племенная знать, о чем свидетельствует наличие погребений с бедным и богатым инвентарем. Возможно, что дольмены являлись сооружениями для захоронения старейшин, вождей, а не рядовых членов рода, души которых, согласно господствовавшим анимистическим представлениям, находили вечное пристанище в этих трапецевидных каменных закупоренных ящиках.

Абхазы, как и адыги, проявляли к дольменам благоговейное отношение, считая их могилами предков. Абхазское слово «адамра», которым называют иногда дольмены, понимается в народе (например, 70-летним Нестором Шат-иша из сел. Эш-

¹ Л. Лавров. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. «Сов. этнография», 4—5, 1936, стр. 126.

ра) как «каменный домик». Существует характерное абхазское выражение «Айсы адамра хыла дашэмырысын», то есть «Не заставляйте мертвца биться головой об адамра» (так говорят о каком-нибудь недостойном, постыдном, преступном поведении человека).

Бронзовая культура. Большое распространение имела в Абхазии, как и во всей Зап. Грузии, замечательная колхидская бронзовая культура, родственная прикубанской и кобанской (наименование «кобанская» происходит от названия осетинского селения Кобан, где впервые были обнаружены своеобразные предметы местной археологической культуры). Памятники однородных, хотя и не идентичных кобанской, прикубанской и колхидской культур, называемых иногда общим именем колхидско-кобанской и охватывающих в основном период XI—VII вв. до н. э., встречаются в предгорьях центральной части Северного Кавказа, Западного Кавказа, а также на северо-восточном и восточном побережье Черного моря (территория исторической Колхиды)¹.

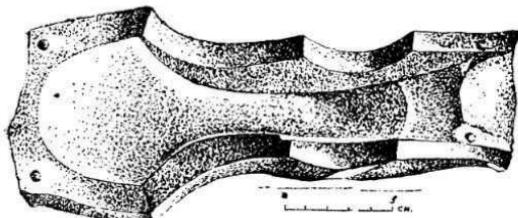
Носителями колхидской культуры являлись западногрузинские и абхазские племена. Ее ведущими памятниками были бронзовые орнаментированные топоры, служившие оружием и орудием труда, а также, по-видимому, предметом культового назначения, атрибутом жреческой власти. Встречаются и другие виды оружия (наконечники копий, стрелы, книжалы), а также украшения (браслеты, перстни, булавки, бусы, пряжки, скульптурные изображения), керамика (главным образом, глиняная посуда).

При общности ряда ведущих форм (прежде всего топоры), колхидско-кобанская культура вместе с тем обнаруживает и существенные различия в зависимости от конкретных условий и особенностей той или иной этнической единицы — носительницы данной культуры.

Колхидская культура, развивавшаяся на местной рудной базе, представлена в Абхазии многочисленными памятниками, раскопанными в различных пунктах страны. Так, целые клады бронзовых предметов найдены в Пицунде, на Бамборской поляне, сс. Мгудзырхва (пос. Аагста) и Эшера, Сухуми и др. В с. Лыхны в 1952 г. был обнаружен большой клад бронзовых топоров (40 штук), относящийся к XII—XI вв. до н. э.

Доказательством большого развития бронзовой культуры в Абхазии являются также материалы Куланурхвинского

¹ Колхида, или Колхидское царство (VI в. до н. э.—IV в. н. э.), как называли древние греки черноморское побережье Грузии, в том числе и Абхазии, по-видимому, не представляла собой единого централизованного государства, а была непрочным объединением различных этнических общин.

Бронзовая форма для стливки топоров из с. Тагилони в юго-восточной Абхазии (Зугдидский музей).

могильника (Гудаутский район), раскопанного и исследованного М. М. Трапши¹. Инвентарь этого могильника состоит из керамики, металлических изделий и бус. Наиболее многочисленны бусы: сердоликовые, бронзовы, стеклянные и пастовые. Керамика (вся местная) найдена в виде фрагментированной глиняной посуды с тремя формами орнаментации (геометрической, елочной и ямочной). Металлические изделия представлены большим количеством бронзовых и железных предметов (железные топоры типа секиры-молотка, наконечники стрел斯基фского типа, книжалы, бронзовые удила, браслеты, пронизи, фибулы, пряжки и гребни). Важнейшими памятниками Куланурхвы являются бронзовые топоры. Некоторые из них снабжены изящным комбинированным орнаментом из треугольников, крючков, сеточек, кружков и елочек. Значительный интерес представляют культового назначения уникальный топорик со скульптурной фигурой собаки на обузе и другие скульптурные фигуры животных: птицы, рыб, кабана, а также изображение какого-то фантастического хищника, фигура которого также покрыта елочными и геометрическими узорами (в том же районе найден топор на металлической рукояти с фигурами лошадей на обузе, хранящийся в Эрмитаже).

Куланурхвинский некрополь — один из важнейших археологических памятников по обилию и уникальности вскрытых в нем предметов. Вещевой комплекс этого Могильника позволяет нарисовать яркую картину развития знаменитой колхидской бронзовой культуры и широкого освоения железа в Абхазии. Вместе с тем, на территории одного сравнительно небольшого по площади могильника здесь, впервые в Абхазии,

¹ М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962.

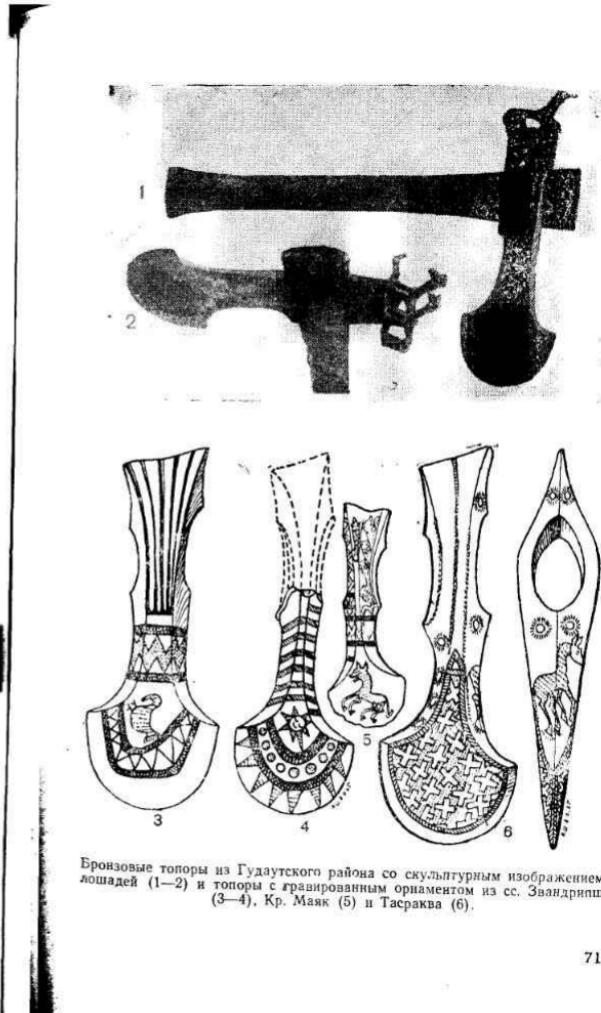
вскрыты, наряду с вещами колхидского типа, замечательные погребальные комплексы скифской культуры, причем колхидский инвентарь М. Трапши убедительно датируется VIII — первой половиной VII в., а скинфские предметы — концом VII — серединой VI в. до н. э. Принадлежность материалов погребения к одной исторической эпохе подтверждается не только могильным инвентарем, но и однотипностью обряда захоронения.

К периоду поздней бронзы относится представленный в собраниях Абхазского государственного музея характерный комплекс бронз из Агастийского погребения (с. Мгудзырхва, Гудаутского района) (1928 г.). Уникальной является бамборская (близ г. Гудаута) находка 1910 г., часть которой поступила еще тогда в Московское Археологическое общество, а затем в Исторический музей (ныне в Эрмитаже). Этот исключительный интересный комплекс бронзовых предметов, хронологически предшествующих, по А. Л. Лукину, эллинской колонизации края, включает в себя в основном разнообразные фигуры людей (женщины и мужчины) и животных, в том числе более тщательно выполненные фигуры нескольких собак, 15 лошадей, козленка, барана, головы хищника с ягненком в пасти, а также пеликанов и др.¹

Таким образом, Абхазия в период поздней бронзы (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) представляла собой один из основных центров металлургического производства на территории исторической Колхиды. Самыми характерными, ведущими археологическими памятниками этой эпохи являются своеобразные боевые топоры, употреблявшиеся, по-видимому, и в качестве орудия труда и атрибута власти, а также бронзовые мотыги, серпы, постепенно заменившие собой деревянные орудия земледелия, ставшего уже, в основном, делом мужчин. Слитки олова своеобразной формы, использовавшиеся для производства оловянной бронзы, находимые в слоях этого периода, вероятно, ввозились в порядке обмена из Малой Азии, так как олово в Закавказье имелось в незначительном количестве.

Население тоглашней Абхазии поддерживало тесные связи и с северными народами — «скифами», «киммерийцами», «карматами» (собирательные названия, под которыми подразумевались также местные, в том числе адыгские племена). На рубеже VIII и VII вв. до н. э. из западных областей Сев. Кавказа через Абхазию в Переднюю Азию проникли кочующие племена конников-киммерийцев, которых некоторые ученые считают конкретным племенем из большой группы пле-

¹ А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, стр. 24, 62, 93.

Бронзовые топоры из Гудаутского района со скульптурным изображением лошадей (1—2) и топоры с гравированным орнаментом из с. Звандриши (3—4), Кр. Маяк (5) и Тараква (6).

Автохтонно-миграционной точки зрения придерживается З. В. Ачабадзе. Она исходит из консолидации древнейших аборигенов Абхазии с пришлыми завоевателями. Согласно этому взгляду, абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа (в том числе на территории нынешней Абхазии) в результате длительного (от конца III до середины I тысячелетия до н. э.) процесса этнической консолидации местного населения с более культурными и этнически более устойчивыми кашками. Последние, прийдя из северо-восточных районов Малой Азии, явились носителями «языка-победителя». Причем аборигены, возможно, находились с ними в этническом родстве и заимствовали у них, по Л. Н. Соловьеву, своеобразный малоазийский тип глиняной посуды, металлургию, а, может быть, и дольменную культуру¹. В данном аспекте, — пишет З. В. Ачабадзе, — мы рассматриваем процесс автохтонности в формировании древнеабхазского этноса, поскольку он не в готовом уже виде явился на территорию Абхазии откуда-то извне, а исторически сформировался на данной территории².

¹ З. В. Ачабадзе. Указ. соч., стр. 120, 122, 124.

² Там же, стр. 126.

Насколько можно судить на основе имеющихся в настоящее время данных, по-видимому, трудно говорить о каких-либо резких сменах населения Абхазии, по крайней мере, в течение нескольких последних тысячелетий. Напротив, имеются основания думать, что здесь мы имеем длительную и непрерывную цепь этнического и культурного развития.

Автохтонность населения Западного Кавказа, в котором органическая часть составляют абхазы, доказывается неизменностью антропологического и этнического состава, преемственностью археологических культур, анализом исторических источников, основных элементов материального и духовного быта, топонимических названий, этнической номенклатуры и т. д.

Исследованиями Г. Ф. Дебеца, В. В. Бунака и других советских антропологов устанавливается антропологическая близость всего населения Кавказа, начиная с эпохи бронзы, причем, как отмечалось, Кавказ в целом в антропологическом отношении обращен к югу. Внутри же Кавказа выделяется два антропологических типа: восточно-кавказский («каспийский») и западнокавказский («понтийский»). Западнокавказский тип, включая Зап. Грузию с Абхазией, совпадает с территорией распространения колхидаской, прикубанской и кобанской археологических культур. Этот древнейший и основной антропологический слой связан с антропологическими типами Малой и Передней Азии, а вместе с тем обнаруживает связи с древними народами южно-русской равнины.

Что касается археологических данных, то в Абхазии еще не найдено таких материалов, которые бы противоречили автохтонности абхазов (правда, они пока недостаточно изучались с точки зрения этнического развития местного населения). Напротив, при раскопках, наряду с разными привозными вещами, находятся многочисленные комплексы местного производства, которые органически связаны с исторической и этнографической жизнью абхазских племен.

Так, дольmens с их инвентарем, которые, как мы видели, в большом количестве встречаются на Зап. Кавказе, включая почти всю Абхазию, и относятся в основном к концу третьего и первой половине второго тысячелетия до н. э., связываются с абхазо-адыгскими племенами (возможно, что дольмен обозначался словом «адамар» или «ахатун», которыми в современном абхазском языке изменяется склеп, гробница, надмогильное сооружение, но не памятник и не простое грунтовое погребение, ибо они имеют свои названия: «акьшана», «анышьанта»).

Ареал распространения кавказских дольменов и есть в основном «первоначальная» родина абхазо-черкесских племен, а некоторая разница в архитектуре этих памятников объясня-

• Ш. Д. Инал-ипа.

ется, очевидно, заметными уже тогда локальными особенностями. С этим ареалом совпадает и распространение целого ряда других, общих для абхазов с черкесами, этнографических признаков (круглое конусообразное жилище, нартский эпос, атальчество, скрывание жениха, двухструнные смычковые инструменты и др.).

Создателями и носителями колхидской культуры являлись местные родственные западно-грузинские и абхазские племена. Несомненным является факт местного происхождения кавказской древней металлургии, колхидской и в неопредметном соседстве с нею развивавшихся прикубанской и кобанской культур, бытовавших в основном в самом конце II и в I тысячелетии до н. э. «Племена — носители этих культур, были оседлым населением, занимавшимся скотоводством, земледелием, охотой и металлурией¹. Это была довольно однородная культурная среда, в недрах которой создавались истоки основных самобытных этнических массивов: западногрузинского, абхазского и адыгского, причем она развивалась без особого нарушения своей однородности, так как проникновение ираноязычных (скифских) элементов, начавшееся с VII в. до н. э., не сопровождалось здесь изменением этнического состава населения, если не считать смену языков (а не этноса) в центральной части Сев. Кавказа.

Традиции этих замечательных культур продолжали жить и развиваться в некоторых местах и в течение первой половины первого тысячелетия н. э. (I—V вв.). Выразительным подтверждением этого служат материалы Цебельдинских некрополей, находящихся в северной части вынешней центральной Абхазии, у старинной Военно-Сухумской дороги, ведшей по Кодорскому ущелью через Кавказский хребет и связывавшей Абхазию с соседней Аланней и другими северокавказскими областями. Устанавливается, что основной комплекс цебельдинских археологических материалов исследуемых ныне М. М. Трапиши обнаруживает ближайшие связи с предшествующими родственными колхидской и кобанской культурами в одинаковой степени. Из этого факта вытекает, что очерченную территорию от Зап. Грузии через Кавказский хребет до современной Сев. Осетии занимали в древности племена, очень близкие между собой по культуре (а, может быть, и по языку).

Вместе с тем, начиная с периода развитой бронзы (примерно с XVIII века до н. э.), культурное единство сменяется чрезвычайной пестротой и многограничием, отражающимся, очевидно, культурные локальные особенности отдельных племен.

¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. Москва, 1963, стр. 382, 384—385, 393.

Абхазские племена представляют одну из ветвей древнейшего иберийско-кавказского аборигенного населения. Из этой же основы вышли и адыгские (черкесские) племена, которые, в частности, кабардинцы, по языку, культуре и психическому складу составляют с абхазами близкое этническое родство. Предполагают, что в древности абхазо-черкесские племена иногда выступали под одним общим названием, может быть, ввиду того, что не были еще дифференцированы на выделившиеся позднее собственно абхазские и черкесские племена. Они играли важную роль на Кавказе и за его пределами. Восточные берега Черного моря известны были за много столетий до греков древним цивилизованным народам Передней Азии — ассирийцам, хеттам, египтянам и др. Известно из древних источников, что, например, во второй половине XIV в. до н. э. усилился напор каскейских племен на границы Хеттского государства. Эти племена и в период, последовавший за падением Хеттского царства, около 1200 г. до н. э., продолжали играть большую роль на восточных его территориях (северо-западнее Верхнего Евфрата)².

Касков (кашков) большинство ученых относит к древнейшему местному населению М. Азии, некоторые их сближают с абхазо-черкесскими племенами и хаттами³.

¹ Всемирная история. Т. I. Москва, 1956, стр. 379, 515.

² Хатты, иначе «протохетты», в III тысячелетии до н. э. были распространены в разномлеменном Малой Азии на обширной территории, а во II тысячелетии были, в основном, вытеснены илдоевропейским племенем хеттов-несингов. Многие считают, что протохеттский язык близок к современным горским и кавказским языкам, что он принадлежит к кавказской семье языков. Так, И. М. Дилянов пишет, что хаттский язык, который стоит особняком среди других древневосточных языков, «являет, по-видимому, известные черты сходства с иберо-картахельскими и, возможно, с абхазо-черкесскими языками» («Вопросы языкоизучения», 5, 1954, стр. 47). Некоторые полагают, что на протохеттском языке говорили кашки, жившие военно-демократическим строем, явившиеся опасными врагами Хеттского-несингской державы. Они принадлежали, по всей вероятности, к абхазо-адыгской этнической группе. Указывают даже на отдельные лексические встречи между протохеттским и абхазо-адыгейским языками: протохеттское *wāğħ* «бог» и абхазо-адыгское *asħqo* — «бог» (Г. А. Меликвиши. Указ соч., стр. 77—78, 168). Месароп же в убыхах усматривает потомков древних хеттов, а убыхский язык, отличающийся, как и абхазский, сложной морфологической структурой и обилием сложных слов, считает генетически связанным с протохеттским. И, некоторые другие ученые, сближая эти языки, признают их структурно-типовидные сходства во многих отношениях (см. рецензию М. Я. Немировского на книгу Месаропа в сб. «Языки Сев. Кавказа и Дагестана», II, 1949). Словом, догадки о роли северокавказских языков с некоторыми древними языками Передней Азии, в том числе протохеттским, высказываются уже давно, наблюдается ряд важных сходных черт как в грамматической структуре, так и в лексике, (хотя мы далеки еще от решения этой трудной проблемы). Возражая проф. А. Гетце, отрицающему связь протохеттского и кавказских языков, Т. Гамкрелидзе и др. пишут: «И хеттскому, и некоторым иберокавказским языкам свойственно преимущественно префиксальное формообразование и

Древневосточные источники имеют важное значение, хотя их фрагментарность и трудность интерпретации могут привести иногда к ошибочным заключениям.

Как сказано, в хеттских документах XIV—XIII вв. до н. э. из Богазейского архива упоминается народ каски, *kaš-kaš*, живший на южном берегу Черного моря. Этот этнический термин считают прототипом наименования «Кавказ», которое затем перешло, как географическое обозначение кавказского края, к другим народам древности. Представляет интерес и мнение о том, что страна «Гага», упоминаемая во второй половине XV в. до н. э. в письме фараона Аменхотепа III, является сокращенной формой хеттского *kaš-kaš* (егип. *kš-kš*)¹.

Возможно, что самым ранним свидетельством о древних предках абхазских племен является надпись ассирийского царя Тиглатпаласара I (ХI в. до н. э.), в которой впервые упоминается племя «абешла», обитавшее в Малой Азии. Некото-

ровообразование, а также наличие ряда общих формообразовательных элементов и лексических совпадений» (ВДИ, 1961 г., 3, стр. 147). Аналогии возможны и по линии этнографии и археологии. Так, у хеттов величими батами стихии считались Аад и Тешуб, которого изображали в коническом головном уборе, одетым в короткую тунику, стянутую на талии. В хеттском пантеоне преобладающая роль принадлежала великой матери — началу плодовитости и плодородия. Важным образом пантеона является и юный бог в короткой одежде, с книжалом на боку и двусторонней скривой в руке. Хеттские божества стоят на животных, которым служат им спутниками (например, божество стихии, потрясаю молниями, восседает на сине быка). В хеттском искусстве обращают внимание мотив льва и орнамент в виде кося. В хеттских законах отражается право первой заняшки, матическое значение имеет змея, узаконена полигамия, нарушение супружеской верности заслуживает высшую меру наказания и др. (Ж. Контоно. Хетты и хеттская культура. М.-Л., МСМ ХХIV, стр. 11—12, 13, 17, 19, 24—25, 26, 31). Может быть, не лишено смысла сравнение, приведенных здесь хеттских культурно-бытовых явлений с отдельными пережиточными сходными чертами этнографического быта абхазов: образы богов Аад (*«ада*» в адымском называется «стец», в абхазском также воспринимается как «старейший», «патриарх», «ада», «отец», а «адыд» — «гром») и великой матери плодородия (Нан, Нанхах, Аица — ср. с Энди — божеством ассирийско-хеттского пантеона, пребывающим на третьем небе), куль быка и льва, матическое значение змеи, конический головной убор, стянутая в талии короткая туника, книжал на пояссе, орнамент в виде кося, право первой заняшки, наказание нарушения супружеской верности. Направляется сравнение распространения супружеской верности. Направляется сравнение распространения малоязывского царя II тысячелетия до н. э., а также круговых жилищ. Археологические данные также говорят о сходстве кавказских и малоязывских культур. Сравнение кистристикового неолита с малоязывским показывает, что между ними много общего. По мнению некоторых, малоязывская культура проникает с юга в Абхазию, а отсюда — на Север Кавказ, чем и объясняется сходство малоязывских и абхазских малоязывских. Обращает внимание тождественность формы и количества ножных колец на бронзовом фигуре хеттского божества и Алагинского погребения (А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, стр. 371 и т. д.).

¹ «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе». ВДИ, I, 1947, стр. 263.

ные исследователи полагают, что древнеассирскому «абешла», по-видимому, соответствуют позднейшие апшилы (абшилы), которые являются одним из основных компонентов образования абхазской народности. Как мы видим, племенное название «апшиль» весьма близко стоит к названию «абешла» (вероятно, «абешла», «апшилы», «апшиль» и самоназвание абхазов — «апсу») происходит от одного местного этнонима).

Древнегрузинские, древнерусские, арабские и другие источники название «кашка» сближают с названием северокавказского племени черкесов. Греко-римские источники на восточном побережье Черного моря часто упоминают древнеабхазское племя апшилов. В XI в. до н. э. эти племенные названия, обозначающие предков абхазов и предков черкесов, выступают синонимами: в упомянутых ассирийских источниках засвидетельствован факт употребления вариантов, синонимами друг друга названий «кашка» и «абешла»¹, что может служить подтверждением этногенетического единства населения этой части Кавказа.

Итак, в бронзовом веке восточная часть Понта, Колхида и Западный Кавказ были заселены, главным образом, родственными абхазо-адыго-карпетельскими племенами². Анализ этно- и топонимических данных, содержащихся в древневосточных источниках, приводит исследователей к выводу, что в конце II — начале I тысячелетия до н. э. древние абхазо-адыгские племена были распространены не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье, и даже южнее. Например, хеттские источники, а в дальнейшем и надписи ассирийских царей — Тиглатпаласара I (1115—1077), Тиглатпаласара III (745—727) и Сартана II (722—705 гг. до н. э.) часто упоминают племена кацков в северо-восточной Малой Азии, а «кашки», как сказано, сближаются с «косог», «кашаг», «кешаг», т. е. черкесами. В надписях того же Тиглатпаласара I встречается также название «абешла», которое, вероятно, связано с названием древнеабхазского племени «апшиль», упомянутого античными писателями на территории современной юго-восточной Абхазии, причем в упомянутых надписях названия кашки и абешла выступают как синонимы.

Как уже отмечалось, возможно, это свидетельствует о том, что в указанное время (рубеж XII—XI вв. до н. э.) древнеабхазские и древнеадыгские племена еще не полностью выделились как самостоятельные этнические единицы. Но возможно и то, что мы здесь имеем нередкое вообще смешение понятий или другие проблемы в источниках, которые не дают ясного представления об этническом и территориальном содержании тер-

¹ Г. А. Меликишвили. Наира-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 75—77.
² Всемирная история. Т. I. Москва, 1956, стр. 514.